

В. Д. Сарабьянов

РЕЛИКВИИ И ОБРАЗЫ СВЯТЫХ В САКРАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОФИИ КИЕВСКОЙ

В чрезвычайно сложной и многосоставной системе росписи Софии Киевской самыми многочисленными являются изображения святых. Они занимают значительную часть пространства под хорами и на хорах, объёмы галерей и приделов, располагаясь здесь на гранях крещатых столбов, на откосах бесконечного количества различных арок, распространяясь в барабаны малых куполов. Сотни фигур святых, на первый взгляд, поддаются только самым общим принципам систематизации. Так, алтарная зона, согласно сложившейся традиции, заполнена изображениями святителей, в Апостольском приделе их замещают фигуры апостолов, в западном объёме наоса под хорами сосредоточены образы св. жён, а на гранях столбов центрального подкупольного пространства преобладают изображения мучеников. Однако более тщательный анализ позволяет выявить в этих общих категориях свои закономерности, в результате чего внутри глобальной программы изображений святых вычленяется множество более мелких и частных мини-программ, каждая из которых обладает своей логикой и принципами построения. Неполная сохранность памятника не даёт возможности исчерпывающе раскрыть всю многогранную картину программы изображения святых, но некоторые её стороны поддаются анализу. В частности, в составе росписей нижнего уровня декорации выявляются некоторые закономерности, позволяющие говорить об особой организации малых сакральных пространств, имевших особую богослужебную драматургию, а следовательно, и соответствующую иконографическую программу. Смысловым и сакральным центром этих малых компартиментов являлись захороненные здесь мощи, и именно вокруг них разворачивалось богослужебное действие, сопровождаемое размещёнными вокруг образами святых. Именно эти закономерности в организации иконографических мини-программ и станут предметом данного исследования.

В росписях нижнего регистра первого этажа Софийского собора сохранилось большое количество изображений крестов, которые, перемежая фигуры святых, располагаются в самых различных зонах храма¹. Эти кресты, объединённые общим поклонным характером их изображений, отличаются, тем не менее, по своей иконографии и принципам размещения, поэтому логично предположить, что они имели несколько символично-функциональных назначений в соответствии с их типологиями. Достаточно ясным является расположение таких крестов в алтарной зоне. Так, четырехконечный крест с двумя кипарисами по сторонам, расположенный в нижней части апсиды Иоакимо-Аннинского придела, непосредственно за престолом, являясь распространённым символом вечности и бессмертия, в то же время выполняет и отчётливую богослужебную функцию, служа запрестольным крестом. Другой крест, расположенный слева от арки, ведущей из Георгиевского в Апостольский придел, служит своего рода знаком, разграничивающим сакральные пространства двух богослужебных объёмов. Вероятно, аналогичную функцию имеют два креста, вынесенные в свод арки между Иоакимо-Аннинским приделом и алтарём. Такое же разграничительное назначение можно увидеть и в двух крестах, расположенных под фигурами Богоматери и Иоанна Предтечи на западных гранях восточных столбов, отделяющих трёхапсидный объём алтаря от боковых приделов, посвященных св. Георгию и Архангелу Михаилу². Схожие по форме и функции две пары крестов расположены также при западном входе в наос, по сторонам центрального нефа. Все эти четырехконеч-

¹ В разное время о крестах в системе декорации Софии Киевской писало несколько авторов. В. Г. Пуцко, обративший внимание на типологию крестов, выдвигает предположение, что перед ними совершались поминальные богослужения (*Пуцко В. Г. Дорогощинский крест у стенописи Софии Киевской // Нови дослідження давних пам'яток Києва. Матеріали наукової конференції Національного заповідника «Софія Київська»*. Киев, 2003, с. 183–191). В. Введенская отмечает только большое семантическое и символическое значение крестов, а также описывает несколько их видов (*Введенская В. Кресты в орнаментике Софийского собора // Пам'ятки архітектури і монументального мистецтва в світі нових досліджень. Тези наукової конференції Національного заповідника «Софія Київська»*. Київ, 1996, с. 17–18). М. А. Орлова пишет о разнообразии типологических форм крестов и делает вывод о разнообразии их программных и смысловых функций (*Орлова М. А. Орнамент в живописи второй половины XI — первой четверти XII века // История русского искусства. Том 1: Искусство Киевской Руси. IX — первая четверть XII века*. М., 2007, с. 350–351).

² Имея поклонное предназначение, эти кресты одновременно могли быть связаны с композицией алтарной преграды, и, в таком случае, они стоят у истоков традиции, существовавшей в домонгольских памятниках и распространившейся в древнерусских памятниках вплоть до XV в. Подробнее об этом см.: *Сарабьянов В. Д. Новгородская алтарная преграда домонгольского периода // Иконостас: происхождение — развитие — символика / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2000, с. 312–359.*

ные кресты имеют схожую типологию, напоминая своими формами воздвизальные или процессионные кресты, используемые при богослужении. Они также имеют схожую функцию, являясь своего рода охранительно-разграничительными знаками, обозначающими границы между различными богослужбными пространствами храма и имеющими апотропеическое значение³.

Но в пространстве под хорами и на внутренних галереях сохранились изображения большого количества крестов несколько иной типологии. Их пропорции более вытянуты, иногда добавлена дополнительная перекладина, так что они становятся шестииконечными, и все они основанием крепятся в небольшие стилизованные горки. В отличие от первой группы, кресты в пространстве под хорами расположены исключительно на узких боковых гранях крещатых столбов, чем, возможно, и определяются их удлиненные пропорции. Если все кресты первой группы размещаются на лицевых плоскостях столбов и могут восприниматься как акцентированные объекты поклонения, вынесенные на передний план, то кресты под хорами, напротив, имеют подчеркнута второстепенную роль и, находясь на боковых лопатках ветвей крещатых столбов, скорее выглядят как знаки, своего рода топоры, фиксирующие принадлежность данного места к какому-то смысловому контексту, включение его в определённую сакральную программу. Такой программой, по моему убеждению, является распределение по Софийскому собору частиц святых мощей, которые при строительстве храма были вмурованы в стены и затем стали объектами поклонения⁴.

Известно, что существовал обычай, согласно которому в процессе возведения храма в фундаменты, стены, опоры, а иногда даже в своды постройки, вмуровывались частицы мощей, становившиеся залогом

³ На апотропеическое значение подобных крестов неоднократно указывали исследователи. См.: *Frolow A.* IC XC NI KA // *Byzantinoslavica*. Т. 17. Praha, 1956, p. 98–113; *Babić G.* Les croix à cryptogrammes, peintes dans les églises serbes des XIII et XIV siècles // *Byzance et les slaves. Etudes de Civilisation. Mélanges Ivan Dujčev*. Paris, 1979, p. 1–13; *Walter Ch.* IC XC NI KA. The Apotropaic Function of the Victorious Cross // *REB* 55. Paris, 1997, p. 193–220; *Геров Г.* Время как метафора пограничности. Некоторые сюжеты храмовых росписей византийского и поствизантийского периода // *ДРИ: Идея и образ. Опыт изучения византийского и древнерусского искусства*. М., 2009, с. 122–123.

⁴ Данная концепция была сформулирована мною в ряде публикаций. См.: *Герасименко Н. В., Захарова А. В., Сарабьянов В. Д.* Изображения святых во фресках Софии Киевской. Часть I: Внутренние галереи // *ВВ* 66 (91). М., 2007, с. 24–59; *Попова О. С., Сарабьянов В. Д.* Живопись конца X — середины XI века // *История русского искусства*. Том 1: Искусство Киевской Руси. IX — первая четверть XII века. М., 2007, с. 243–250; *Герасименко Н. В., Захарова А. В., Сарабьянов В. Д.* Изображения святых во фресках Софии Киевской. [Часть II]. Западное пространство основного объема под хорами // *ИХМ* XI. М., 2009, с. 208–256.

святости всего церковного здания и его сакрального пространства. Эта традиция существовала с раннехристианских времен, по крайней мере, она зафиксирована уже в постройках Юстиниана. Так, в «Сказании о построении храма святой Софии», написанном не позднее IX в., говорится, что «во всяким столпе» при постройке главного константинопольского храма клались «горе же и долу мощи святых»⁵.

Уже в древности эти мощи достаточно часто становились предметом поклонения и даже паломничества. В описаниях русских паломников, которые отчасти являлись своего рода путеводителями по святым местам, неоднократно упоминается факт захоронения мощей в стенах и столпах не только Софии Константинопольской, но и других храмов⁶. Так, Антоний Новгородец, побывавший в Константинополе в 1200 г., говорит о том, что «егда делаша святую Софию, въ олтарныя стены клали святыхъ мощи»⁷. Такие же сведения находим у Стефана Новгородца, посетившего Константинополь около 1348 г. В частности, он пишет про Софийский собор: «И тут стоять столпове от камени краснаго мрамора, оковани чудно, в них же лежать мощи святых»⁸. Анонимный русский паломник XIII–XIV в., в частности, упоминает мощи св. Лазаря Четверодневного и Марии Магдалины, вмурованные в столбы одного из монастырских храмов Царьграда: «... идя на полночь к Манганом, пойти есть на праве монастырь: Лазарь святыи друг Божии, в правом столпе запечатан... а в левой столпе Марья Магдалыни замурована»⁹. Эти свидетельства ясно говорят о том, что места захоронения мощей были выделены в сакральном пространстве храмов, а сами реликвии почитались как свя-

⁵ «Сказание», вероятно, было составлено во второй половине IX в. (*Dagron G. Constantinople imaginaire. Etudes sur le recueil des «Patria».* Paris, 1984, p. 265–269). Древнерусский перевод относится к рукописям XV–XVII вв. и входит в состав «Летописца Еллинского и Римского» второй редакции и «Хронографа Русского» (См.: Словарь книжников и книжности древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2, с. 386). Текст «Сказания» см.: *Леонид (архим.)*. Сказание о св. Софии Цареградской. Памятник древнерусской письменности XII века. СПб., 1889 (Памятники древней письменности и искусства. Вып. 78), с. 17, 22.

⁶ Факт знакомства русских с этой традицией прокомментирован в книге Дж. П. Маджески. См.: *Majeska G. P. Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries.* Washington, 1984, p. 214.

⁷ Книга Паломник. Сказание мест святых во Цареграде Антония Архиепископа новгородского в 1200 году. Под ред. Хр. М. Лопарева // Православный Палестинский сборник. СПб., 1899. Т. XVII. Вып. III, № 51, с. 23.

⁸ Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999, с. 32–33.

⁹ *Малепо Е. И.* Антология хождений русских путешественников XII–XV века. Исследование. Тексты. Комментарии. М., 2005, с. 239. Сказание датируется разными исследователями в рамках конца XIII — конца XIV вв. Историографию вопроса см.: *Majeska G. P. Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries,* p. 114–120.

тыни, по существу ни чем не отличаясь от мощей, открытых для обозрения или же хранящихся в раках и мощевиках.

Как показали исследования Н. Б. Тетерятниковой, места захоронения мощей были отмечены на стенах и столбах Софии Константинопольской вмонтированными или вырезанными в материале постройки крестами. Аналогичные обозначения в виде крестов над местами захоронения мощей обнаруживаются и в других храмах византийского мира. Исследовательница приводит примеры константинопольской церкви монастыря Липса (около 907), каппадокийских церквей Св. Евстафия в Гёреме (X в.), Св. Никиты (IX в.) и Хачли килисе (X в.) в Кизил Чукур, Ыланли килисе (X в.) в долине Перистерма, базилики Иоанна Златоуста в Эфесе, круглой церкви в Плиске (X в.), базилики Рождества Христова в Вифлееме, Эрмитажа Св. Неофита на Пафосе (конец XII в.), собора Сопочан (XIII в.), и др.¹⁰ Документально известно, что данная традиция соблюдалась и при строительстве древнерусских храмов, о чем сообщает Киево-Печерский Патерик. Рассказывая об основании Успенского собора Киево-Печерской Лавры, составитель Патерика Владимиро-Суздальский епископ Симон говорит о мощах, которые были принесены греческими строителями и положены в основание стен собора. Он называет имена св. мучеников Артемия и Полиевкта, Леонтия, Акакия, Арефы, Иакова и Феодора¹¹, и далее пишет: «...и мощи святых мученик под всеми стенами положены быша, идеже и сами написаны суть над мощми по стенам»¹². Таким образом, в отличие от Софии Константинопольской и других храмов, места захоронения частиц мощей в Успенском соборе были отмечены не крестами, а изображениями самих святых, которые, вероятнее всего, составляли смысловое ядро чина святых, украшавшего нижний регистр храмовой декорации¹³.

Показательным примером является базилика Св. Екатерины на Синае, где многочисленные мощи святых были сгруппированы согласно

¹⁰ *Teteriatnikova N. B. Relics in the Walls, Pillars and Columns of Byzantine Churches // Восточнохристианские реликвии / Под ред. А. М. Лидова. М., 2003, с. 77–92.*

¹¹ Составители комментариев к Киево-Печерскому Патерику Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников считают, что здесь названы Полиевкт патриарх Константинопольский, а также мученики Арефа Эфиопский (24 октября) и Артемий (20 октября). См.: Древнерусские патерики. Киево-Печерский Патерик. Волоколамский Патерик. Подготовка издания: *Ольшевская Л. А., Травников С. Н. М., 1999, с. 391.*

¹² Там же, с. 12–14, 115–116.

¹³ А. М. Лидов считает, что над местами захоронения мощей на стенах Успенского собора располагались иконы, однако более вероятным представляется размещение здесь именно фресковых изображений, что, прежде всего, следует из самого описания. См.: *Лидов А. М. Реликвия как иконный образ в сакральном пространстве византийского храма // Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира. Тезисы докладов и материалы международного симпозиума. М., 2000, с. 28.*

месяцам их поминовения и вмурованы в основания 12 колонн, держащих перекрытие храма. На этих опорах и сейчас повешены иконы-минеи 12 месяцев церковного календаря, созданные в XII в., где, в том числе, представлены и те святые, чьи реликвии были вмурованы в колонны. Ниже икон в колоннах закреплены бронзовые кресты для поклонения и целования. Эти кресты более позднего времени, чем иконы, но, вероятнее всего, они были установлены на замену более древних. Таким образом, присутствие мощей было отмечено в Синайской базилике как крестами, так и изображениями самих святых, представленных на иконах-минидах. Западноевропейский путешественник Феликс Фабер в своих записях упоминает эти колонны с реликвиями и изображениями святых (иконами), а также сообщает, что раз в году у каждой колонны, в соответствии с указанным месяцем, совершается богослужение в память святых, чьи мощи покоятся в данном месте¹⁴.

Приведённые примеры показывают, что такая традиция была распространена по всему восточнохристианскому миру, причём места захоронения мощей могли быть отмечены как крестами, так и настенными или иконными изображениями самих святых. Вероятно, наличие вмурованных в стену мощей являлось одним из важнейших факторов в выборе состава святых, изображаемых в цокольной части храмов. К сожалению, эту закономерность трудно проследить, поскольку в абсолютном большинстве случаев какие-либо данные о наличии мощей отсутствуют. Тем не менее, приведённое выше сообщение Патерика чрезвычайно важно именно тем, что оно документально фиксирует данный принцип подбора святых, которым руководствовались художники при составлении программы декорации, что может послужить ключом к истолкованию иконографического содержания самых различных ансамблей¹⁵. В первую очередь, этот аспект составления программы святых, несмотря на полное отсутствие каких-либо документальных свидетельств, может использоваться при анализе программной структуры росписей Софии Киевской.

Почитание мощей пришло на Русь вместе с принятием христианства. Известно, что князь Владимир, захватив Корсунь, вывез оттуда в Киев мощи Климента Римского и других святых. Кроме того, венчавшись с византийской принцессой Анной, Владимир получил от императоров Константина и Василия разнообразные дары, среди которых

¹⁴ *Teteriatnikova N. B. Relics in the Walls, Pillars and Columns of Byzantine Churches*, p. 82. См. также: *The Book of the Wanderings of Brother Felix Fabri // Palestine Pilgrims Text Society / Tr. A. Stewart. Vol. X, part II. London, 1897, p. 608–610.*

¹⁵ На эту очевидную взаимозависимость указывает, в частности, Н. Б. Тетерятникова. См.: *Teteriatnikova, Relics in the Walls...*, p. 80.

также присутствовали мощи¹⁶. Да и сам факт строительства в Киеве каменного кафедрального собора мог повлечь специальную присылку из Константинополя не только строителей и художников, но и, как в случае с Успенским Киево-Печерским собором, мощей святых. Таким образом, к моменту строительства Софии в руках киевского духовенства было достаточное количество мощей, частицы которых могли быть использованы при закладке собора. Их подбор и распределение по сакральному пространству собора, таким образом, не были результатом спонтанного действия, но могли быть продуманы и осуществлены ещё на самом начальном этапе формулирования замысла главного храма Киевской Руси.

Учитывая обилие изображенных в Софии Киевской святых, можно прийти к выводу, что здесь были совмещены оба принципа фиксации места захоронения мощей. В первую очередь, изображение креста точно обозначало их месторасположение, и, скорее всего, являлось объектом конкретного поклонения, связанного с богослужбной функцией данного храмового объёма¹⁷. Этот принцип точно соответствовал традиции византийских построек, где, как правило, нижняя зона не имела росписей, а была декорирована какой-нибудь цокольной отделкой или мрамором, в которых крест инкрустировался или вырезался. В то же время, логично предположить, что рядом с местом захоронения мощей в Софии Киевской был изображен и сам святой, как это зафиксировано Киево-Печерским Патериком в отношении Успенского собора, а его фигура могла являться ключом к подбору других святых, расположенных в пространстве данного компартимента. В соответствии с этими принципами в пространстве под хорами и на галереях выявляется несколько самостоятельных сакральных пространств, которые, возможно, служили приделами. Росписи этих малых объёмов строились по своей программной логике, которая определялась в контексте присутствия в этих частях храма святых реликвий. Анализ состава святых внутри этих частей храма показывает, что в их распределении действительно существовали свои закономерности как общего, так и локального характера. К общим принципам

¹⁶ В «Памяти и похвале князю русскому Владимиру» говорится: «... И прия (Владимир) градъ Корсунь, и взя съсуды церковныя, и иконы, и мощи священномученика Климентя и иныхъ святыхъ». И далее: «... И даста ему (Владимиру) сестру свою, и дары многы присласта ему, и мощи святыхъ даста ему». См.: Библиотека литературы древней Руси. Том I: XI–XII века. СПб., 1997, с. 324.

¹⁷ В. Г. Пуцко справедливо рассматривает символический смысл этих крестов как обозначение мест богослужбных процессий, что полностью соответствует и нашему истолкованию изображений крестов, — ведь именно перед ними могли совершаться поминальные литии. *Пуцко В. Г.* Дорогощинный крест у стенописи Софии Киевской, с. 186.

относится, например, преобладание женских образов в четырёх западных компартиментах основного объёма. В то же время каждая ячейка (или их пара) имела свою замкнутую мини-программу, в которой акцентировалась та или иная концепция, зачастую связанная с присутствующими здесь мощами. Вероятнее всего, по этому принципу были построены все росписи внутренних галерей и пространства под хорами, но, к сожалению, эти закономерности не всегда выявляются, поскольку фрески здесь сохранились не полностью.

Одним из показательных примеров мини-программы подобного рода является роспись угловой юго-западной ячейки под хорами, которая полностью отведена под изображения св. жён. В северо-восточном углу этого компартимента расположен крест¹⁸, а рядом с ним, на левой грани этой же ветви крещатого столба, в арке, ведущей на восток, находится фигура св. равноапостольной Фёклы, которая атрибутируется по уникальной иконографической детали — Евангелию в её левой руке¹⁹. Св. Фёкла была одной из самых чтимых св. жён, её изображения многочисленны, а в Константинополе существовало четыре посвящённых ей храма²⁰, так что возможность привоза в Киев из Царьграда частицы её мощей представляется более чем вероятной. Будучи ученицей апостола Павла²¹, она продолжила его апостольскую проповедь, за что в памяти Церкви была удостоена титула равноапостольной. Этот факт, видимо, и определил программный состав росписей данного компартимента, где сосредоточены святые жёны, прославившиеся своим апостольским служением. Напротив Фёклы изображена св. мученица Ма-

¹⁸ Показательно, что этот крест был как бы врезан в орнамент, который изначально покрывал данную плоскость грани столба, так что в верхней части грани оставлен небольшой фрагмент растительного орнамента. Тем не менее, крест относится к раннему слою фресок и стыкуется с фресковым слоем на соседней грани, где изображена св. Фёкла. На эту особенность обратила внимание М. А. Орлова (*Орлова М. А.* Орнамент в живописи второй половины XI — первой четверти XII века, с. 351).

¹⁹ *Герасименко Н. В., Захарова А. В., Сарабьянов В. Д.* Изображения святых во фресках Софии Киевской. [Часть II]. Западное пространство основного объема под хорами, с. 213–214.

²⁰ О равноапостольной Фёкле см.: *Lexikon der Christlichen Ikonographie* / Hrsg. Von H. Braunfels. Rom, Freiburg, Basel, Wien, 1994. Bd. 8. Col. 432–436; *Delehaye H.* *Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae e Codice Sirmondiano, nunc Berolinensi. Adiectis Synaxariis Selectis Opera et Studio Hippolyti Delehaye.* [Propylaeum ad Acta Sanctorum Novembris]. Bruxelles, 1902. Col. 788; *Bibliotheca hagiographica graeca* / Ed. F Halkin. Bruxelles, 1957. Col. 1710–1722.

²¹ Показательна миниатюра XII в. в Четвероевангелии из монастыря Пантократора (cod. 234 63r), где Фёкла внимает апостолу Павлу, выглядывая из окна постройки. См.: *Christou P. K., Mauropoulou-Tsioumi Chr., Kadas S. N., Katsarou A.* *Treasures of Mount Athos: The Illuminated Manuscripts.* Athens, 1979. Vol. 3. Fig. 246.

рина²², остальные же из атрибулируемых жён данного компартименты так или иначе связаны с апостольским служением. Так, на южной и западной стенах здесь предположительно идентифицируются Рипсимия, Гаяния и Нина — просветительницы Армении и Грузии²³, а также, предположительно, царица Елена²⁴. Показательно, что тема апостольского служения подчеркнута здесь и изображениями в парусах купольного свода, перекрывающего эту ячейку, где изображены четыре евангелиста в медальонах. Следует отметить, что это — единственный пример расположения евангелистов в парусах купольных сводов или малых куполов, поскольку во всех остальных случаях здесь изображаются херувимы, серафимы или тетраморфы, а также медальоны с процветшими крестами или орнаменты.

Две восточные ячейки северо-западного объема под хорами также составляют единую идейно-смысловую программу и могли быть изначально объединены общей богослужебной функцией. Разнообразный состав расположенных здесь святых на первый взгляд создаёт впечатление случайности, но на самом деле в этих двух ячейках представлена вся полнота Новозаветной Церкви как Тела Христова, явленного во всем многообразии категорий святости. В данном пространстве идентифицируется Иоанн Предтеча, соединяющий собой Ветхий и Новый Заветы, остальные же святые относятся к новозаветной истории. Это святители Николай Чудотворец, Иоанн Златоуст, Иерофей (?), дьякон Авив, преподобный Савва Освященный, мученики Андрей Стратилат, Гурий и Самон, царь Константин. Св. жёны представлены неизвестной мученицей, расположенной напротив преп Саввы. Но самой многочисленной категорией являются целители. Это Косьма и Дамиан, Пантелеймон, а также два целителя-пресвитера Сампсон и Мокий²⁵.

В этом объеме расположены изображения четырёх крестов. Два из них фланкируют по сторонам фигуру Андрея Стратилата, что, возмож-

²² Св. Марина часто изображается в паре со св. Фёклой. По свидетельству блаж. Феодорита, св. Марина посещала святилище, которое было создано на месте чудесной кончины св. Феклы, и этим фактом из ее жития, возможно, и объясняется их соседство на софийской фреске. См.: *Каковкин А.Я.* Роль образа святой первомученицы Феклы в росписи «часовни Исхода» в Эль-Багавате // ВВ 63 (88). М., 2004, с. 230.

²³ *Герасименко Н.В., Захарова А.В., Сарабьянов В.Д.* Изображения святых во фресках Софии Киевской. [Часть II]. Западное пространство основного объема под хорами, с. 215–216. Рипсимия и Гаяния атрибутируются по частично сохранившимся граффити, а Нина — по остаткам сопроводительной надписи.

²⁴ Там же, с. 216–217. Н.Н.Никитенко также определяет эту святую как царицу Елену (*Никитенко Н.Н.* Русь и Византия в монументальном комплексе Софии Киевской. Историческая проблематика. Киев, 1999, с. 172–173)

²⁵ Подробнее об атрибуции святых данного сакрального объема см.: *Герасименко Н.В., Захарова А.В., Сарабьянов В.Д.* Изображения святых во фресках Софии Киевской. [Часть II]. Западное пространство основного объема под хорами, с. 235–245.

но, обусловлено особой патрональной значимостью этого святого для рода Ярославичей, о чём будет сказано чуть ниже. Ещё два креста связаны с именами двух наиболее чтимых целителей. Один из них находится рядом с фигурой Дамиана, расположенного в паре с Косьмой в северо-восточной части данного компартиента, а другой — рядом с изображением Пантелеймона в его северо-восточном углу. Почитание братьев-целителей Косьмы и Дамиана было чрезвычайно распространено в христианском мире, так что в поздней традиции существовали даже три пары этих святых — Римские, Аравийские и Малоазийские²⁶. Широкое распространение их культа делает вполне возможным наличие их реликвий и в Софийском соборе, тем более что в Константинополе существовал посвященный этим святым монастырь, в котором хранились их мощи, присутствовавшие также и в других храмах Константинополя²⁷. Что же касается Пантелеймона, то, помимо его широчайшего почитания, наличие мощей этого святого в Софийском соборе зафиксировано документально. Об этом свидетельствует древний ларец-мощевик с именем великомученика Пантелеймона, который был обнаружен археологической экспедицией М. К. Каргера в 1940 г., но впоследствии исчез. Н. В. Верещагина справедливо отмечает, что его мощи могли попасть в Киев ещё при Владимире Святославиче, по-

²⁶ В греческой агиографической традиции существуют три пары братьев-целителей с именами Косьма и Дамиан (см. ВHG 372–392; *Delehaye H.* Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae e Codice Sirmondiano, nunc Berolinensi. Adiectis Synaxariis Selectis Opera et Studio Hippolyti Delehaye. [Propylaeum ad Acta Sanctorum Novembris]. Bruxelles, 1902. Col. 144.23–146.11, 185.4–18, 791.4–34). Одни — сыновья Феодоты, из Малой Азии, мирно скончались (память 1 ноября). Другие жили в Риме и были убиты завистником (память 1 июля). Есть ещё аравийские братья-целители, принявшие мученичество вместе с Анфимом, Леонтием и Евпрепием (память 17 октября). В византийской иконографии широко распространены изображения Косьмы и Дамиана как молодых людей с едва показавшимися бородами, в патрицианских одеждах с целительскими накидками. Изображения двух других пар одноименных целителей очень редки. Единственный известный мне пример средневизантийского периода — иллюстрация к заметке на 17 октября в Ватиканском Менологии, где изображено мученичество пяти аравийских святых, причем все они — разного возраста (См. II Menologio di Basilio II. (Cod. Vaticano Greco 1613). Torino, 1907 (Codices e Vaticani Selecti, 8). T. 2, p. 120). Общие сведения об иконографии Косьмы и Дамиана см.: LCI. Bd. 7. Col. 344–352; *David-Daniel M.-L.* Iconographie des Saints médecins Côme et Damien. Lille, 1958; *Skrobucha H.* Kosmas und Damien. Recklinghausen, 1965; *Hadermann-Misguich L.* Kurbinovo. Les fresques de Saint-George et la peinture byzantine du XIIe siècle. Bruxelles, 1975, p. 240–243; *Nicolaidès A.* L'église de la Panagia Arakiotissa à Lagoudéra, Chypre: Etude iconographique des fresques de 1192 // DOP. 1996. Vol. 50, p. 125–126.

²⁷ У Антония Новгородца читаем: «А в Козмине и Дамианове лавре и мощи ихъ» (*Малето Е. И.* Антология хождений русских путешественников, с. 230). В то же время, «лоб» Косьмы хранился в другой константинопольской церкви Св. Косьмы и Дамиана (Там же, с. 227).

сколькx их частица находилась также в мощевике из престола Спасского собора в Чернигове, заложенного Мстиславом Владимировичем в 1030 г.²⁸. Вероятно, наличие в юго-западном объёме под хорами мощей сразу двух целителей — Дамиана (а возможно, и Косьмы) и Пантелеимона — предопределило особое пристрастие к целительской теме, чем и объясняется присутствие здесь изображений ещё двух константинопольских целителей — Сампсона и Мокия²⁹.

Среди других малых сакральных пространств под хорами, показательный материал содержат две восточные ячейки северо-западного объёма, составляющие единую идейную программу, и, вероятно, также объединённые богослужебной функцией. В этом пространстве образ Церкви раскрывается в своем историческом развитии — здесь демонстрируется преемственность священства, идущая от пророков и перво-священников через апостолов к святителям. Среди пророков узнаются Софония, три еврейских отрока (полностью сохранилась только одна фигура), Моисей и Аарон, Илья и Елисей. Апостолы представлены образами Петра и Павла, что же касается святителей, то в их ряд открывается один из первых епископов — Лазарь Четверодневный, а замыкают два изображения константинопольских патриархов Германа и Игнатия — героев антииконоборческого движения, относящихся к последней — относительно времени создания росписей Софии Киевской — волне канонизации³⁰. Стержнем рассмотренной мини-программы является историософская концепция, в которой в иносказательной форме

²⁸ *Верецагіна Н. В.* Моці великомученика Пантелеїмона — святиня Київської Русі // Софійські читання. Проблеми та досвід вивчення, захисту, збереження і використання архітектурної спадщини. Матеріали Перших науково-практичних Софійських читань (м. Київ, 27–28 листопада 2002 р.). Київ, 2003, с. 59–60. О черниговском мощевике см.: *Холостенко Н. В.* Мощеница Спаса Черниговского // Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 189–202.

²⁹ Об их иконографии подробнее см.: *Герасименко Н. В., Захарова А. В., Сарабьянов В. Д.* Изображения святых во фресках Софии Киевской. [Часть II]. Западное пространство основного объема под хорами, с. 236–237. Антоний Новгородец сообщает, что их мощи покоились рядом в одном храме: «... святого Мокия монастырь, а въ немъ церковь велика; и в той же церкви подъ олтаремъ лежитъ святыи Мокии и святыи Самсонъ; от гроба его вода идетъ». См.: *Малето Е. И.* Антология хождений русских путешественников, с. 229.

³⁰ Патриарх Герман был канонизирован вскоре после Торжества Православия в 843 г. (*Ševčenko I.* Hagiology of the Iconoclast Period // Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies. University of Birmingham. March 1975 / Ed. *Bryer A., Herrin J.* Birmingham, 1977, p. 113–116). Патриарх Игнатий († 877) был канонизирован по инициативе его преемника патриарха Фотия сразу же после кончины святителя, о чём свидетельствует мозаика Софии Константинопольской с его изображением, выполненная при императоре Василии I (867–886) (*Mango C., Hawkins E. J. W.* The Mosaics of St. Sophia in Istanbul: The Church Fathers in the North Tympanum // DOP. 1972. T. 28, p. 28–29).

раскрывается идея спасения избранного народа с акцентированием темы истинного священства, передающегося в преемственности от Ветхого Завета через апостолов к святителям последних времен. Предреченное пророком Софонией, это спасение осуществляется в подвигах ветхозаветных мужей — богоизбранного вождя еврейского народа Моисея, выведшего свой народ из египетского пленения, и Аарона, олицетворяющего собой чистоту ветхозаветного священства, а также трех еврейских отроков, сохранивших чистоту веры и чудом спасенных от огня. Подобно тому, как высшая благодать была передана от Ильи Елисею, она переносится на апостольское служение Петра и Павла, а от них распространяется на всю Церковь в лице её предстоятелей — от самого первого новозаветного иерея — Лазаря Четверодневного, «друга Господня», до святителей последних времен — константинопольских патриархов Германа и Игнатия.

Идейной наполненности данной программы соответствуют и мощи, захороненные в этом сакральном пространстве. Здесь изображено два креста: один из них относится к изображению Лазаря Четверодневного, другой расположен около фигуры неизвестного седого старца с густыми, чуть взлохмаченными волосами, который может идентифицироваться и как пророк, и как апостол. Святитель Лазарь Четверодневный, «друг Господень», воскрешенный на четвертый день после смерти Иисусом Христом в Вифании (Ин. 11:1–45), оказывается лицом, стоящим на стыке Ветхого и Нового Заветов. Как ветхозаветный праведник, он был воскрешен Спасителем после четырехдневного пребывания в аду, а как член новозаветной Церкви он, согласно преданию, позже был поставлен Петром в епископы города Китиона на Кипре и занимал эту кафедру в течение 28 лет вплоть до своей кончины. Наравне с Иаковом братом Божиим, Лазарь оказывается первым священником Нового Завета, что находит отражение в иконографии евангельского сюжета «Вечер в Вифании», где в ряде случаев Лазарь, в нарушение исторической хронологии, уже облачен в епископские одежды³¹. Его особое почитание пришлось на начало послеиконоборческого периода. В 890 г. в Ларнаке были обреты мощи святого, в связи с чем в Константинополе был построен храм в его честь, а в 898 (или 902) г. Лев VI перенес с Кипра в столицу часть его реликвий. Это событие становится в церковном календаре днем памяти святого, отмечаемым 17 октября³².

³¹ Св. Лазарь в епископском облачении изображен на миниатюре с иллюстрацией «Вечери в Вифании» из Четвероевангелия XI в. Gr. 74 из Национальной библиотеки в Париже (*Walter Ch. Lazarus a Bishop // Walter Ch. Studies in Byzantine Iconography. London, 1977, p. 197–208. Fig. 3, 4.*)

³² О почитании Лазаря см.: *Сергий (Снацкий), архиеп.* Полный месяцеслов Востока. М., 1997 (переизд.: Владимир, 1901). Т. II, с. 321. Т. III, с. 430; *Walter Ch. Lazarus a Bishop,*

Примечательно, что тогда же император Лев VI основал в столице монастырь Св. Лазаря, населив его скопцами³³. Мощи святого были распространены и в самом Константинополе, о чём говорит приведённое выше свидетельство анонимного русского паломника конца XIII в. (см. примеч. 8). Эти факты делают вполне допустимой возможность привоза в первой половине XI в. частицы мощей Лазаря Четверодневного из Константинополя в Киев.

Изображения Лазаря в облике епископа известны по памятникам уже со второй половины X в.³⁴, причем особую популярность, по понятным причинам, он получает на Кипре³⁵. Образ Лазаря оказываются популярным и на Руси, что находит отражение, в первую очередь, в литературных памятниках, известных по спискам XII–XIII вв. Так, в «Слове о сошествии Иоанна Крестителя во ад» акцентируется именно чудо его воскрешения, поборовшего могильный тлен. В тексте «Слова» Ад обращается к дьяволу со следующими словами: «Азь же тьгда съгноихъ тело Лазорево зело, якоже начать воняти, и нача раступатися съставъ телесе его, и егда же възгласи его: „Лазоре, лези вонь!“; а абие въскочи вьнь из гроба, яко львъ из вьрьтпа на ловъ иды, яко орьль летяше, вьсю немощь отложь вь мгновении оку»³⁶. В этом же контексте можно рассматривать и «Слово на Воскрешение Лазаря», созданное в XII столетии³⁷. Неповторимая особенность его внешности, испытавшей на себе воздействие смертного тлена, запечатлевается и на древнерусских фресках. Его фигура включена в алтарные святительские чины

р. 197–208; Nicolaidès A. L'église de la Panagia Arakiotissa, p. 15–16; Пивоварова Н. В. Фрески церкви Спаса на Нередице в Новгороде: Иконографическая программа росписи. СПб., 2002, с. 40, 122; Лифшиц Л. И., Сарабьянов В. Д., Царевская Т. Ю. Монументальная живопись Великого Новгорода. Конец XI — первая четверть XII века. СПб., 2004, с. 468–473.

³³ Соколов И. И. Состояние монашества в Византийской церкви с середины IX до начала XIII века (842–1204). Опыт церковно-исторического исследования. СПб., 2003, с. 89.

³⁴ Лазарь в облике безбородого епископа изображен на потире императора Романа II (959–963) из сокровищницы Сан Марко (*Grabar A. Calici bizantini e patene bizantine medievali // Il tesoro di San Marco — Il tesoro e il Museo. Florence, 1971. Pl, XLIV*), во фресках Новой Токалы килисе (*Wharton-Epstein A. Tokali Kilise: Tenth-Century Metropolitan Art in Byzantine Cappadocia. Washington, 1986, p. 67*).

³⁵ Его изображения известны в алтарных росписях церкви Панагии Форвиотиссы в Асину (*Sacopoulos M. Asinou en 1106 et sa contribution a l'iconographie. Bruxelles, 1966, p. 134*), церкви Апостолов в Перахорио, 1160–1180 гг. (*Megaw A. H. S., Hawkins E. J. W. Church of the Holy Apostles at Perachorio and its Frescoes // DOP. 1962. T. 16, p. 308–309. Fig. 26*), церкви Панагии Аракиотиссы в Лагудера (*Nicolaidès A. L'église de la Panagia Arakiotissa, p. 15–17. Fig. 21*), а также храма в Като Лефкара, конца XII в. (*Ibid, p. 16, note 103*).

³⁶ БЛДР. XI–XII века. СПб., 1999. Т. III, с. 268.

³⁷ Там же, с. 256–261.

Никола-Дворищенского собора в Новгороде (ок. 1118)³⁸, Спасской церкви Евфросиньева монастыря в Полоцке (ок. 1161)³⁹ и церкви Спаса на Нередице (1199)⁴⁰. Весьма вероятно, что столь заметное почитание этого святого на Руси и распространение его уникальной иконографии было непосредственно связано с присутствием в Киевской Софии его мощей, вложенных в основание одного из столбов⁴¹.

Что касается другого святого, мощи которого, согласно предлагаемой концепции, были захоронены в данном объеме, то главным доводом в гипотетической идентификации является нестандартная внешность святого. Облачение — хитон и гиматий, а также свиток в левой руке, указывают на то, что перед нами либо ветхозаветный пророк, которым может быть Исайя, Иезекииль, Малахия, Михей, Наум, и др., либо апостол. Крест, расположенный рядом с фигурой святого, на боковой грани ветви крещатого столба, свидетельствующий о наличии его мощей, указывает скорее на принадлежность этого святого к категории апостолов, но среди 12 учеников Христа такой иконографией обладает только апостол Андрей Первозванный. Если принять предложенную атрибуцию, то приобретает совершенно определенный патрональный смысл изображение Андрея Стратилата, расположенное в пандан апостолу Андрею в юго-западной части объема под хорами, о котором говорилось выше. Имя Андрея в потомстве Ярослава Мудрого имело особое значение и было одним из самых распространенных, начиная со Всеволода Ярославича, крещёного во имя апостола Андрея. Согласно мнению многих исследователей, это событие повлекло за собой особое почитание на Руси и особенно в великокняжеской семье не только апостола, но и других святых с этим именем — Андрея Стратилата, Андрея Критского и Андрея Юродивого⁴². Мощи Андрея Стратилата могли попасть в Киев из Константинополя, где, согласно описанию русского анонима XIII–XIV вв., они хранились в Андреевском монастыре: «А оттоле пойти взад на полночь ко святому Андрею: есть святыи Андрем моастырь женьскыи; туто лежит святыи Андреи Стратилат в теле пред церковными дверми, знаменаются крестьяне, исцеление от него бы-

³⁸ *Лифшиц Л. И., Сарабьянов В. Д., Царевская Т. Ю.* Монументальная живопись Великого Новгорода, с. 520–522.

³⁹ Остатки его фигуры недавно раскрыты в окне дьяконника.

⁴⁰ *Пивоварова Н. В.* Фрески церкви Спаса на Нередице в Новгороде, с. 40.

⁴¹ Следует отметить, что праздник перенесения мощей Лазаря с Кипра в Константинополь встречается в русских месяцесловах лишь с XIV в. См.: *Лосева О. В.* Русские месяцесловы XI–XIV вв. М., 2001, с. 178.

⁴² См.: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006, с. 124–131, 508 и библиография вопроса.

вает»⁴³. Что же касается мощей апостола Андрея, то они являлись одной из наиболее чтимых святынь Константинополя и хранились в церкви Апостолов, поэтому их частица также могла попасть на Русь, например, в составе упомянутого выше императорского дара, врученного князю Владимиру. Таким образом, в мини-программах данных сакральных пространств Софии Киевской могли найти отражение патрональные мотивы, которые являлись очень важным составляющим элементом всей программы росписи собора⁴⁴.

Аналогичный принцип организации сакрального пространства присутствовал, вероятнее всего, и во внутренних галереях Софийского собора, где также сохранились изображения крестов. К сожалению, идентификация расположенных здесь святых, а следовательно, и прочтение программы встречает непреодолимые препятствия из-за фрагментарной сохранности расположенных здесь росписей, что не позволяет составить целостную картину. Лишь в одной из ячеек южной галереи фрески имеют достаточно хорошую сохранность, и здесь идентифицируются все персонажи. Эта мини-программа составлена исключительно из фигур св. епископов, за что в науке она получила название «паперти святителей»⁴⁵. Здесь атрибутируются Григорий Богослов, Григорий Чудотворец, Григорий Нисский, Фока Синопский, Капитон Херсонесский, Иоанн Милостивый и Игнатий Богоносец. Роспись группируется вокруг образа Николая Чудотворца, фигура которого была выделена киворием, примыкавшим к стене (сохранился отпечаток), а

⁴³ Малето Е. И. Антология хождений русских путешественников. XII–XV века, с. 243. Дж. Маджеска указывает, что слово «Стратилат» является припиской, на основании чего предполагает, что здесь хранились мощи св. монаха Андрея, пострадавшего в иконоборческий период (*Majeska G. P. Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries*, p. 315).

⁴⁴ Показательно, что напротив Андрея Стратилата изображен император Константин, по сторонам от которого расположены две небольшие фигурки воина-мученика и царицы, как полагает большинство исследователей — Георгия Победоносца и царицы Ирины, небесных патронов Ярослава-Георгия Мудрого и его жены Ингигерд-Ирины. В таком случае, император Константин должен восприниматься как «символический» патрон князя Владимира — крестителя Руси (*Никитенко Н. Н. Русь и Византия в монументальном комплексе Софии Киевской*, с. 163–165; *Герасименко Н. В., Захарова А. В., Сарабьянов В. Д. Изображения святых во фресках Софии Киевской*. [Часть II]. Западное пространство основного объема под хорами, с. 237).

⁴⁵ Это название ввела в научный оборот Н. Н. Никитенко (*Никитенко Н. «Паперть святителей» у Софії Київській // Софійські читання. Проблеми та досвід вивчення, захисту, збереження і використання архітектурної спадщини. Матеріали Перших науково-практичних Софійських читань* (м. Київ, 27–28 листопада 2002 р.). Київ, 2003, с. 158–161; *Она же. Образ святителя Николая в монументальной живописи Софии Киевской // Правило веры и образ кротости ... Образ свт. Николая, архиепископа Мирликийского, в византийской и славянской агиографии, гимнографии и иконографии*. М., 2004, с. 401).

также басменным окладом, от которого в стене осталось множество мелких гвоздик и отверстий от них⁴⁶. В этом объёме нет изображения креста, но, очевидно, реликвия хранилась под киворием — в престоле, над которым он возвышался, в специальном коробе или небольшом каменном саркофаге. Эти элементы, составлявшие сакральное обрамление реликвии и фигуры Николая Чудотворца, появились здесь на самом начальном этапе формирования интерьера Софийского собора, и, таким образом, присутствие реликвии было изначальным. Киворий просуществовал, вероятно всего, до разорения Киева в 1240 г., поскольку в конце XIII в. под фигурой святителя Николая было организовано захоронение митрополита Кирилла II (умер в 1280 г.)⁴⁷.

Такие же принципы, видимо, были взяты за основу при организации малого сакрального пространства, расположенного в западной ячейке северной внутренней галереи. Здесь, аналогично «паперти святителей», изображены святые исключительно одной категории. Это святые воины-мученики, среди которых можно опознать Никиту, Артемия, Мину, Федора Стратилата, вероятно, Федора Тирона⁴⁸. Сохранность живописи здесь значительно хуже, поэтому программа полностью не читается, но присутствие среди святых исключительно мучеников позволяет предположить, что и здесь хранилась реликвия одного из св. воинов, вокруг которой и была организована программа этого компартамента.

Сейчас трудно с полной уверенностью определить богослужебную функцию этих малых сакральных объемов Софии Киевской. Весьма вероятно, что поклонение мощам отнюдь не являлось единственным назначением сакральных центров этих компартиментов. Схема росписи каждого малого объёма устроена таким образом, что она повторяет в редуцированной форме главные элементы декорации основного подкупольного пространства. Так, в купольных сводах, перекрывающих все ячейки внутренних галерей и объёмов под хорами, размещены одинаковые композиции, составленные из центрального медальона с хризмой — символом Спасителя — и четырьмя медальонами с архангелами, а в парусах обычно изображены херувимы, серафимы или тетраморфы. По сути эти изображениями являются основными традиционными элементами купольной декорации, с той лишь разницей, что образ Пантократора заменён его символическим изображением. Арки под купольными сводами в подавляющем большинстве заняты полуфигурами мучеников и муче-

⁴⁶ Подробнее об этом см.: Герасименко Н. В., Захарова А. В., Сарабьянов В. Д. Изображения святых во фресках Софии Киевской. Часть I: Внутренние галереи, с. 37–39.

⁴⁷ Никитенко Н. Н. Святая София Киевская. Киев, 2008, с. 374–377.

⁴⁸ Герасименко Н. В., Захарова А. В., Сарабьянов В. Д. Изображения святых во фресках Софии Киевской. Часть I: Внутренние галереи, с. 55–58.

ниц, что также соответствует распространённой в послеиконоборческий период крестовокупольной схеме, в которой мученики занимали поверхности подпружных арок. Основное различие проявляется в нижнем регистре ростовых изображений, и именно здесь, как было показано, формулируются особенности каждой отдельной мини-программы. Таким образом, каждая ячейка может быть рассмотрена как отдельный — малый по формам и объёму — храм.

Напрашивается вывод, что каждая мини-церковь могла иметь посвящение, напрямую связанное с хранящимися здесь мощами святых или другими реликвиями, а изображение святого в паре с крестом, обозначающим присутствие рядом его святых останков, создавало своего рода парную пространственную икону, вокруг которой строилась иконографическая мини-программа росписи. Весьма вероятно, что малые сакральные пространства в галереях и под хорами в основном являлись приделами, в которых совершались редкие поминальные службы, скорее всего, связанные с днями памяти тех святых, чьи мощи были здесь захоронены. В этом отношении богослужebная практика Софии Киевской, вероятнее всего, отражала достаточно распространённую традицию, зафиксированную на рассмотренном выше материале Синайской базилики. В таком случае, Софийский собор изначально был замышлен как многопридельный храм, что находит косвенное подтверждение в сообщении Павла Алеппского, который, рассуждая о былом величии Софии Киевской, пишет: «Говорят, в ней было семьдесят алтарей вверху и внизу»⁴⁹.

⁴⁹ Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. Перевод с арабского Н. Муркоса. М., 2005 (переиздание 1896–1900 гг.), с. 170.

Vladimir Sarabianov

Research Institute of Art History, Moscow

RELICS AND IMAGES OF SAINTS IN THE SACRED SPACE
OF ST. SOPHIA CATHEDRAL IN KIEV

The Byzantine tradition to imbed saints' relics into the foundation, walls or vaults of churches, is ancient and well-documented. The tradition is known to have existed already in Justinian's constructions. Thus, the 'Tale of the Construction of Hagia Sophia', written not later than the 9th century, reports that 'at the head and foot' in 'each pillar' of Constantinople's main cathedral were encased relics of saints. A number of old Russian documents testify that relics were immured into the walls and pillars of Constantinople's Hagia Sophia Cathedral (Antony of Novgorod, 1200; Stephan Novgorodets, 1348). Research has shown that the locations of the relics were marked on the walls and pillars of Hagia Sophia with crosses, built into or incised in the fabric of the edifice. Similar signifiers in the form of crosses over the location of the relics within the wall are further found in other cathedrals of the Byzantine world. This tradition was widely known in Rus' as well.

The Kiev Cave Paterik reports that during the construction of the Dormition cathedral the relics of Sts. Artemius and Polyeuktos, Leontios, Akakios, Aret(h)as, Iakovos (James) and Theodoros, brought by the Greek builders, were imbedded into its walls, and subsequently the locations of the relics were identified with depictions of the saints. Thus, the Paterik records one of the fundamental principles as to which saints to select used by artists as guidance when elaborating a decoration programme.

This principle may provide a clue to the interpretation of the iconographies of a most diverse range of ensembles. First and foremost, this may apply to the frescoes of St. Sophia cathedral in Kiev, where a number of surfaces of the pillars are dedicated to depictions of crosses. The crosses all belong to a similar type and carry similar decoration, with only slight variation in detail, and evoke processional crosses rising over low 'hills'. It is highly probable that this was a way of identifying the locations of the fragments of the relics within the walls, while the proximal figures are inherently linked with the names of the saints whose remains were encased in the walls of the cathedral. It is highly probable that two principles of identifying the location of the deposition of the relics have occurred here. Firstly, a depiction of a cross identified precisely the location of the relics in the foundation or in the masonry of the pillar, and probably was an object of a specific worship. At the same time it is logical to assume that proximal to the immured relics in the Kievan St. Sophia the saint himself was also depicted, in a practice similar to that described by the Kiev Cave Paterik in the context of the Dormition

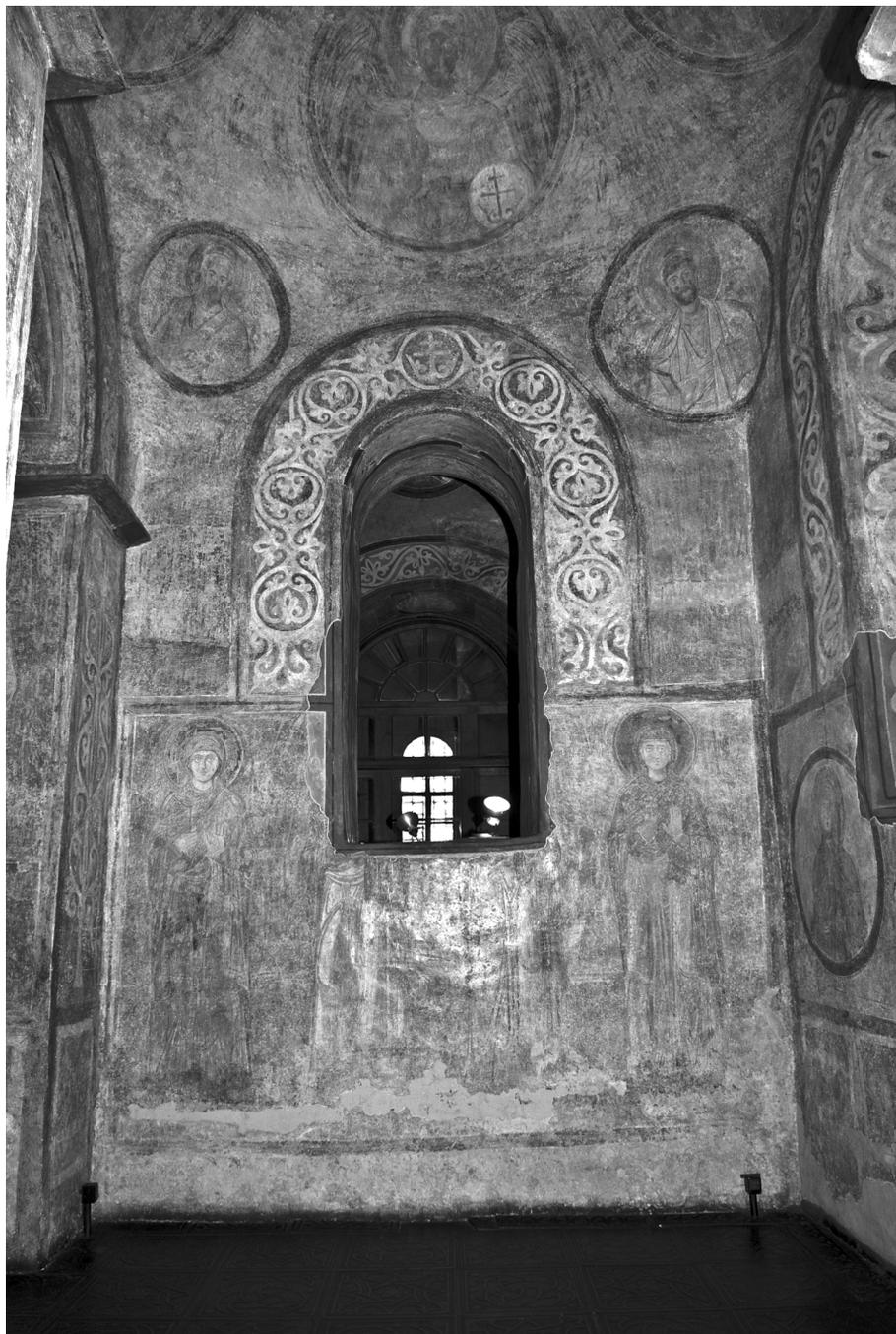
cathedral, and the saint's figure could serve as a clue as to which other saints were depicted in the same area.

Following this principle several mini-programmes can be identified, organised into small-scale sacred spaces which possibly could contain side-altars. Thus, in the south-western part the figure of St Thekla 'equal-to-the-apostles' can be identified, with a depiction of a cross alongside. Next to it, there is a group of saint women equal-to-the-apostles, among whom, with some certainty, can be identified the Caucasian apostolic enlighteners — Hripsime, Gayane and Nino. Represented in the same area is also a figure of Empress Elena. Significantly, the sails of the vault ceiling of the space (sub-division), at variance with all other occurrences, carry depictions of the four evangelists, as if to emphasise the apostolic nature of the saint women's vocation. Two eastern niches of the north-western space under the quire are dedicated to a representation of all ranks of sanctity. Here, identifiable are prophets (John the Forerunner), holy hierarchs (Nicholas the Miracle-Worker, John Chrysostom, St Ieropheios, St Sabba, presbyters (Sampson, Mokios), healers (Panteleimon, Kosmas and Damian), martyrs (Andrew Stratilatos, Gurius, Samonas), deacons (Aviv), Emperors (Constantine). The body of the Church is shown here in all its diversity. This sub-division displays two crosses, alongside the figures of Andrew the Stratilatos and Damian. Opposite, in two similar niches of the north-western space the body of the Church is shown in its historic development, and the continuity of priesthood is illustrated, which runs from the prophets and high priests through the apostles to saint hierarchs. Among the prophets identifiable are Sophonias, three Jewish youths, Moses and Aaron, Elijah and Elisha. The apostles are represented with Peter and Paul. As far as the holy bishops are concerned, their rank is introduced with one of the first bishops — Lazarus the four-days-dead, while two Constantinople patriarchs, the heroes of the anti-iconoclasm movement Germanos and Ignatios bring up the rear. This space also delineates two crosses: one adjacent to Lazarus, the other — alongside the figure of an unidentified gray-haired old man, which can equally be a prophet or an apostle.

Evidence suggests that the principle of mini-programmes was in use in St. Sophia cathedral throughout the entire ground floor, which accommodates the images of saints. Unfortunately, the programme cannot be fully reconstructed, as the identification of the majority of the saints has been made problematic because of the poor preservation of the frescoes. A similar principle can be observed in the galleries, where in the inner south gallery a niche is entirely dedicated to the holy bishops. Here the following can be identified: Gregory the Theologian, Gregory the Miracle-Worker, Gregory of Nyssa, Phokas of Sinope, Capiton of Chersonesos, John the Merciful and Ignatios the God-Bearer. This mini-programme is centered around St. Nicholas, whose figure is emphasised with a ciborium adjacent to the wall (an imprint on the wall has

survived) and a metal frame, to which a great many traces of small nails bear evidence. It is highly probable that here as well, revealed or encased a relic of St. Nicholas used to be kept, around which the decoration has been formulated.

It is difficult now to determine the liturgical function of the small-scale sacred spaces of Kievan St. Sophia, but it can be suggested that they contained side-altars which celebrated rare wakes on the days of the saints whose relics had been laid to rest within the walls of the cathedral. If this is correct, then St. Sophia from the start was conceived as a multi-altar cathedral, which hypothesis is supported by a statement from Paul of Aleppo in the seventeenth century, who, reflecting on the one-time glory of St. Sophia, pronounces: 'They say, it contained seventy altars, at the upper and lower extent...'

1. Стена со св. женами

2. Св. Фекла

3. Св. Андрей Стратилат

4. Св. Николай

5. Св. Пантелеймон

6. Свв. Мокий, Сампсон и Константин Великий

7. Св. Лазарь

8. Св. Игнатий

9. Св. Андрей апостол (?)

10. Пророк Моисей

11. Пророк Софония

12. Св. Николай

13. Св. Григорий Чудотворец

14. Св. Григорий Нисский

15. Св. Капитон